

КРОКОДИЛ

Москва.

18 марта.

1923 г.

У ПОСТЕЛИ БУРЖУАЗНОЙ ФРАНЦИИ.

Рис. Д. Моора.

Доктор: — Мда... У больной температура
Сегодня слишком высока!

Пуанкаре: — Вот свежий уголек из Рура,
Мы кровью спрыснем с уголька!

Святой Микола самогонный, всероссийский чудотворец.

У церковного причта Николо-Лаптевского причода отобран самогонный аппарат, сделанный из крестильной купели.

Телеграмма из ВОЛОГДЫ.
См. газ. «ПРАВДУ» от 16 февр. с. г.

Нужда у бати постоянная:

Слаба приходная статья.

— «Ох, жизнь моя ты оканная,

Да бесталанная моя!»

Перед святителем Миколюю,
На образ глядя храмовой,
Не раз он с думою тяжелою
Стоял от горя сам не свой.

Гр. М. Черныш.

И речь попа была укърная,
Полны кощунства словеса:
— «Когда ж ты, сволочь чудотворная,
Свои покажешь чудеса?»

Не ты ль первейшим был святителем
На всей Руси спокон веков?
Не ты ль царям был покровителем?
А результат с того каков?»

Нашло на бату просветление.
Приход молись, хоть не молись,
У бати, всем на удивление,
Шальные деньги завелись.

Иную жатву—преобильную!
Стал пожинать отец Панкрат,
Перекроив купель крестильную
На.. самогонный аппарат.

С тех пор по зову меднозвонному
Бестыжий сброд пропойных рож
Спешит к «Миколу Самогонному»,
Миколу-Лаптевскому тож.

Там, средь притвора сбившись тесного,
Гудит восторженно толпа:
— «Благодарим отца небесного,
Что вразумил он так попа!»

Демьян Бедный.

ПО ШАПКЕ.

География преподается по шапке: рас-
пределяют по ней градусы, экватор и т. д.
Обещали купить глобус до праздни-
ков, праздники прошли, а глобуса нет.
Жаль, если наши ребятки будут показы-
вать Москву на шапке, а глобус будут
звать «лобус».

(Из отчета об одной школе).

— Это—что?..—строго спросил учитель ученика.

— Шапка...—ответил тот.

— Не шапка, а глобус!.. Вернее—земной шар... Вот видите: где пуговка на ней, это—северный полюс...

— Семен Иванович, а южный полюс где-же?..—подцепила учителя какая-то девочка.

— Гм... Южного полюса—нет...—сконфузился тот.— То-есть, вернее—он есть, но на этом глобусе его нет!.. Его надо воображать вот в этом самом месте...—показал он на воздух под шапкой.—Ну-с, дальше... Вот тут, по краям шапки, идет экватор... Прокофьев, повтори. Это что?

— Это не шапка, а земля, Семен Иванович!—бойко ответил мальчик.

— Я не про то: Вот здесь, по краю!

— Элеватор!—бухает ученик, не расслышав подсказывания.

— Верно!—говорит учитель, не расслышав ученика. Дальше... Вот здесь, где шапку моль, должно быть, объела, находится Европа, вернее—Европейская Россия... Чепуренко, покажи, где находится Россия?..

— Где—плешь!..—отвечает Чепуренко.

— Не так надо отвечать!..

— Где глобус моль объела!..

— Нельзя, товарищи, так шутя к науке относиться! рассердился учитель.—Надо говорить серьезно...

— Только лобус-то больно несурьезный...—шепнул один ученик соседу.

В следующий урок надо было проходить карту Европы, но карты не нашлось...

Что долго думать тут?.. Опыт с шапкой уже научил... Принес учитель свое пальто из раздевальни, повесил его на доске, растянул в ширину, и урок начался...

— Вот видите, где верхняя пуговица на левой стороне, тут—Норвегия... От второй пуговицы вниз начинается Германия... Четвертая пуговица—начало Франции...

— А у Германии конца разве нету?..—раздался возглас с места.

— Как—конца нет?..—не понял учитель.

— А вы сказали, что вторая пуговица—начало, а третьей-нету...

— Ах, оторвана... Ну, так что-же? Воображать надо!.. И вообще пустяковыми замечаниями прошу урока не прерывать!.. Дальше... Где карман—тут Австрия... А вот где материя папирасой прожжена, тут—Швейцария...

— Семен Иванович, а рукава это—что? Горы?..—спросила одна ученица.

— Я знаю; один рукав—Скандинавские горы, а другой—Уральский хребет!..—сказал один второгодник.

Аргус.

Всякие бывают шефы

(Рассказ красноармейца).

Вошел это я в залу—
Может верста, а может миля!
Курьер секретарю, секретарь замзаву
Доложили...

Пока докладывали, я—на месте,
Потом повели меня в кабинет.
Там, в кабинете, изюминой в тесте—
Брюнет...

Три телефона, блокнотов дюжина,
Личсекретарь—бантиком губы...
Сначала к ней—Что вам нужно?
(Этак сквозь зубы).

Так и так; я из части...
Нужда нас схватила за горло!
(На бумаге чортик, взяла она ластик,
Стерла).

Потом отправила рюи и бантик
(У меня от злости—рука к палашу!)
— «Обождите, в сторонку станьте,
Я доложу!»

Путь (два шага) проделан скоро,
Разговор и смех чередовались час...
(У меня, ей-ей, вспотели шпоры,
Нога отнялась!)

— «Замзав сегодня принять не
может!»

Выход там—направо!»
Глаза мои полезли из рожки...

Айда, к замзаву.

— «Я ведь занят! Сказано вам?!»
Процедила небрежно персона,
Жестом важным приблизив к ушам
Трубки 3-х телефонов.

Разные шефы на свете есть...
Есть и такого рода.

Хорошим—хвала и честь!
Плохим—на свежую воду!

Багрыйный.

ТОРГОВЫЙ НАРКОМПРОС.

(Коммерческая быль).

В Коллегии.

— Не перейти ли нам на хозрасчет?— говорил на заседании коллегии замнарком Мухитлинов.

— Хозрасчет, — обрадовался начупродснаб, — правильно, всякая школа заштатная и та на самоокупаемости, а мы...

— А главное, чтоб товарообмен был, — развивал свою мысль Мухитлинов, — спичек, например, коробка в Москве — четыре миллиона, а взять хоть бы в Вятке... Вот и гони в карман чистоганом, одних процентов штук триста наживешь. А там второй оборот и поехало...

И, вооружившись карандашом, зам занялся странными вычислениями.

— 800% прибыли, — восхищенно воскликнул он.

— 900%, — поправил начупродснаб.

— Разрешите заказать новый штамп, — почтительно сказал секретарь, — чтоб соответствовало. Не Наркомпрос, а Наркомпросторг.

Спец.

— Товарищ Мухитлинов, позвольте вас познакомить со спецом, — доложил начупродснаб.

— Кутыров, — представился неизвестный, — разрешите аванс...

— Сразу видно, что спец, — подход деловой, не что-нибудь, — подумал замнарком и отдал необходимые распоряжения.

Мандат.

«Дан сей Никите Кутырову в том, что он командирится для закупки шерсти, муки, гвоздей, рельс и прочего сырья на Украину, Мурман, Кавказ, в Сибирь, Чехославию и другие города. Закупленные продукты может отправлять в любой пункт, в свой, Кутырова, адрес и на предъявителя, равно и вовсе не отправлять. По реализации таких товаров Кутыров может покупать на вырученные деньги шелковые и трикотажные изделия, косметические и гинекологические препараты и прочие предметы первой необходимости для Наркомпросторга Крыма. Товарищу Кутырову представляется право требовать вагоны и поезда, а также принимая во внимание переживаемый голод, говорить по прямому проводу и т. п.

Рис. М. Черемных.

В виду первостепенной государственной важности возложенных на тов. Кутырова заданий, все военные, гражданские и проч. власти благоволят оказывать ему всемерное содействие в общереспубликанском масштабе.

Подписи.

Телеграмма.

Из Тифлиса Симферополь замнаркомпросторгу.

«Купил. Переведите триста.

Кутыров»

Записка по проводу (из Москвы).

Крым Наркомпросторгу.

«Выгодно продал. Переведите пятьсот. Кутыров».

Рис. Д. М.

Интервью.

...«В беседе с нашим корреспондентом замнаркомпросторг сказал: «Бьем разруху собственными силами». Далее замнарком указал, что, очевидно, в ближайшее же время наркомат, (бывш. Просвещения) окончательно преобразуется в синдикат. Что же касается предстоящих перспектив, то, в связи с прибыльнейшими торговыми операциями Просторга, оклады учителям в этом же месяце будут увеличены втрое»...

Письмо сельского учителя Голодайло.

«Дорогой брат. Живу не плохо, ибо некоторые живут еще хуже. Жалованье с тех пор, как ушел из дивизионной школы, не получал. Пока промышленью охотой на крыс. Т.-е. не то, что по борьбе с ними, а так, если хорошо сварить, есть можно. А все-таки мечтаю о говядине покрупнее. Вчера докурил последнюю арифметику, а больше писать нечего.

Твой брат Павел».

В Совнархоз Крыма.

«Наркомпросторг просит сделать распоряжение о немедленной передаче ему всех поступающих складов и магазинов, в виду предстоящего на-днях прибытия огромного количества закупленных товаров».

Замзав (подпись).

Телеграмма.

Симферополь Просторгу.

«Заключил несколько особовыгодных договоров. Подробности почтой. Переведите тысячу телеграфно. Кутыров».

Протокол дознания.

Я, участковый милиционер, тов. Фунтиков, снял сие в следующем. Опрошенный учитель Голодайло показал, что, проходя мимо церкви, на него напали неизвестные крестьяне села Сытые Выжимки, как-то: Дмитрий Петрозавчук с сыном Никифор Былдин и тамошний лавочник Мокродопуло. По причине вышеизложенного: перечисленный на сем учитель был избит с поломом двух ребер и прочими незначительными повреждениями, как-то, пролом черепа, за незаконное присвоение собак.

Вышеупомянутое животное найдено мною в квартире пострадавшего без задних лажек и других признаков жизни, каковые оказались им, Голодайлом, съеденными.

При сем препровождается арестованные мною по обвинению в покушении граждане. (Фамилии).

Телеграмма.

Крым Наркомпросторг.

«Перепродал. Выезжаю Крым. Переведите шестьсот. Кутыров».

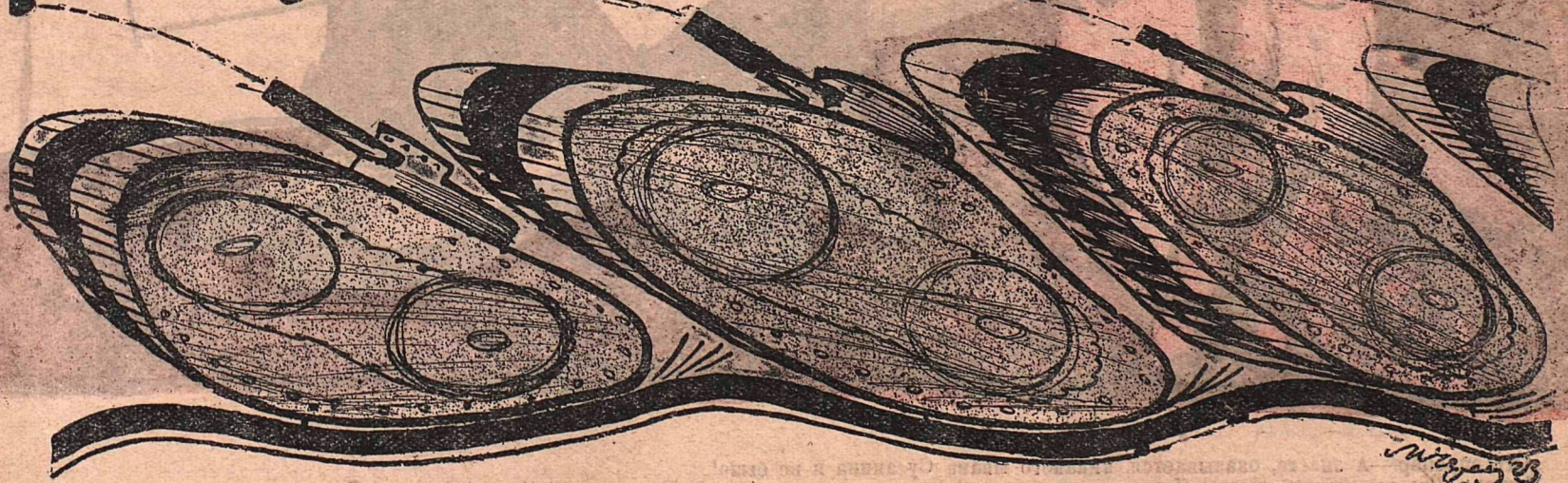
С 33

Библиотека „КРОКОДИЛ“.

Печатается и скоро выходит в свет
сборник рассказов

„ПРИКЛЮЧЕНИЯ“.

Рисунки худ. **Ив. Малютина.**

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Историк Костомаров уверяет, что знаменитого патриота Ивана Сусанина никогда не было и что он был выдуман в угоду самодержавию для поддержания его престижа. (Из библиографической заметки).

Антрепренер.—А знаете, оказывается, никакого Ивана Сусанина и не было!
Антер.—Что вы челуху мелете! Я его двести раз пел! Успех колоссальнейший! Портсигары! Цветы! Овации! Слезы! А вы говорите: „Костомаров“!

Рожки да ножки.

Самарская губерния переживает нашествие волков. На днях волки напали на конного красноармейца и растерзали его вместе с лошадью.

(Из газет).

На экстренном заседании Самарский союз охотников единогласно постановил:

— Начать борьбу немедленно!

Когда начали решать вопрос о том, кто и сколько голов должен убит, самый опытный охотник Хвастунов заявил:

— Я могу одной пулей убить десять штук.

— Как так?

— Очень просто. Волки идут узеньким полевым просеком по одной линии, я выхожу к ним навстречу. Они немедленно останавливаются и, разглядывая меня, поднимают головы. Тогда я немедленно бью переднему в голову. Пуля с быстротой молнии убивает переднего наповал, потом попадает в голову, промежду глаз, второму, третьему и т. д. Не успевает последний волк чуть-чуть поклониться, как и он с пронзительным криком падает мертвым.

Охотники заспорили.

— Хорошо, если волков будет ровно десять штук. Но предположите, что их — одиннадцать.

Хвастунов решительно мотнул головой.

— Это ровно не имеет никакого отношения. Если я уложу сразу десятерых, одиннадцатый, несомненно, убежит.

В это время подали самарскую газету «Коммуна».

Союз охотников прочитал:

— Среди белого дня в двадцати верстах от города по шоссе на тракту волки растерзали конного красноармейца вместе с лошадью.

Молодые охотники изумленно подняли брови.

— У нас двери заперты здесь?

— Да, надо принять некоторые меры предосторожности. Волки, насколько известно, боятся вооруженных охотников, а мы здесь сидим без ружей.

Парадную дверь, ведущую на заседание, заперли крепче.

— Товарищи! — сказал председатель. —

Я полагаю, что нам пока лучше не выходить до вечера. В большинстве случаев волки нападают теперь днем. Кто за то, чтобы пробыть здесь до вечера? Единогласно! А пока я предлагаю выработать несколько проектов наибольшего истребления хищников при наименьшей затрате огне-трельных припасов. Кроме того, нам сейчас же необходимо написать отношение в губернию: может ли она принять волчьи кожи, сколько и по какой цене. Из вырученных денег два процента отчислить в пользу голодающих крестьян Самарской губернии, два процента на издание автобиографий замечательных охотников, а остальные суммы полностью передать в фонд семейств, растерзанных волками до сего времени. У кого имеются возражения?

Возражали все сразу и поодиночке.

Когда взял слово самый опытный охотник Хвастунов, дверь, запертая двумя замками, неожиданно затрещала. В зале заседания наступила могильная тишина.

„Комплиментщик“.

Американские археологи выкопали недавно 4.000-летнюю египетскую принцессу.

Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

Крокодил (обращаясь к 4 000-летней принцессе): — Для ваших лет вы очень сохранились...

Слышно было только, как царапались тысячи когтей.

— Боже мой! — сказала молодой охотник Трусов. — Мы погибли: это не иначе волки...

Едва он произнес страшное слово, в окне второго этажа показалась волчья морда с оскаленными зубами, за ней — вторая, третья — целых одиннадцать штук. Союз охотников бросился было в коридор, но оттуда в зал заседания хлынула целая стая. Волки были страшно голодные и через несколько минут от самарских охотников остались только «рожки да ножки». Кровожадные хищники даже и резолюцию съели. Спасся каким-то чудом один только Хвастунов, самый опытный «стрелок». Когда он при-

бежал с заряженной винтовкой, чтобы одной пулей убить десять штук, он, к сожалению, не мог этого сделать, ибо волки на этот раз шли не по прямой линии и головы у них находились в разных местах.

Насмешник.

Библиотека „Крокодила“.

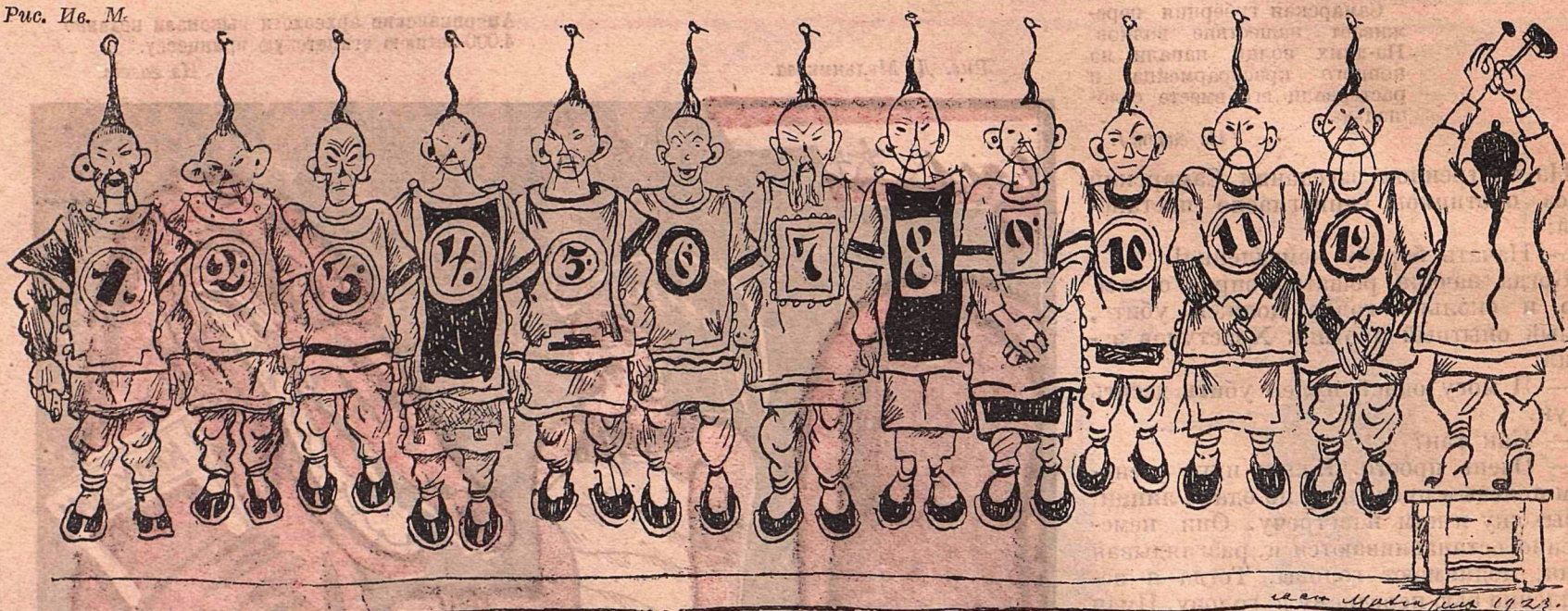
Печатается и вскоре выходит:

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

„ИЖЕ ХЕРУВИМЫ“

Иллюстрации и обложка М. Черемных.

Рис. Ив. М.

13-й китайский премьер:—Надо заранее вбить гвоздик, а то завтра пень-ое число.

СТРАШНОЕ ДЕЛО.

В Рыбинской заготконторе зимой во время снега было отдано распоряжение: раскидать 8000 п. сена для просушки и поставить караул.

Крестьянин Иван Лаптев приехал в город Дуболобов. Крестьянину Лаптеву нужно было в заготконтору: насчет налога узнать.

Подъехал Иван к конторе и видит: во дворе с подсолнечных рабочих по пояс в снегу раскидывают сено, мокрый снег валит хлопьями. Вокруг рабочих—отряд с винтовками.

Иван горошком с воза скатился.

— Братцы, что это?—спрашивает у красноармейцев.

— Нешто не видишь,—сено просушиваем.

— Да какая же, милые, теперь просушка?

— Раз приказ есть «для просушки»—значит там знают.

Поди, поговори с ними!

Иван отошел к амбарам и за голову схватился; из амбара волокли мешки с зерном и зерно сыпало в мерзлый колодец. Завопил Иван не своим голосом, бросился к колодцу, руки растопырил:

— Стой, волк вам в рот! Стой! Наше зерно! Я тоже волил—не дам губить!

Но его отгеснил десятник:

— Ты, отец, куда не просят—не суйся, по приказу поступаем. Сказано: промыть зерно в колодце на предмет очистки от пыли—мы и промываем.

И шатаясь, как пьяный, Иван забрел в амбар.

Здесь стояли три огромные бочки. В бочках плясали люди, утрамбовывая какую-то желто-бурую массу.

— Что еще эти делают?—подумал Иван.

Словно в ответ ему кто-то крикнул: «Эй, берегись!»

И четверо рабочих, притащив огромную корзину с яйцами, высыпали содержимое в бочки.

Люди в бочках заплясали еще отчаянней...

У Ивана отнялся язык. Забыв дело, ради которого он приехал, бросился он опретью из амбара и со двора, камнем упал в сани и во весь дух погнал лошадь домой.

Но испытания его еще не кончились: за городом, на поле заготконторы увидал Иван людей, которые ходили по полю и сеяли семена в снег.

Среди сеятелей Иван признал земляка из соседнего села, не удержался, остановил лошадь:

— Пахомыч! Совести своей побойся! Что делаешь? Душу ведь свою губишь.

И друг худой и тщедушный Пахомыч захлебнулся слезами:

— Милый! Родной! Прости меня окаянного! Дома пожар был, погорело все... Жена, детишки без хлеба... А то нешто бы я на такое дело пошел?..

Иумач.

От автора: Чтобы утешить особенно чувствительных читателей, можем сообщить, что начальник Дуболобовской заготконторы, равно как и сам город Дуболобов, получили совершенно другие названия.

ОТЗВОНИЛ И С КОЛОКОЛЬНИ ДОЛОЙ.

Крестьяне села Балабановцы Самарской губернии вынесли постановление продать церковные колокола и на выручен. деньги приобрести сельскохозяйственный инвентарь.

(Из газет).

Колокола на Балабановской колокольне ничего не знали. Еще в субботу вечером и в воскресенье утром старый великопостный колокол медленно кричал:

— К на-а-мм! К на-а-мм!

А молодые веселые колокольчики громко подыгрывали:

Приходи.
Ди-ди-ди.
Приходи.
Ди-ди-ди!

Собрались старички со старушками, коим на тот свет пора. Молодые после обедни устроили собрание.

— Товарищи!—сказал Иван Акимов, грамотный мужичек.—Какая мне мыслешка в голову залезла! Знаете? Я думаю из колоколов борон с плугами наделать, сеялок, жнеек и всякого прочего инвентарю, который в хозяйстве нам до зарезу нужен. Ну, что они висят без всякого употребления? Даже в священном писании сказано: шесть дней работать надо. Это, товарищи, неравенство выходит. Совсем негожа без дела висеть шесть дней. А вот продадим мы ихнюю медь, оборудуем плужки да бороны и будут они у нас действительно работать ради всего народу. Если же старикам захочется в церковь заглянуть, пока мы ее совсем не закрыли, дойдут туда и без колокольного звону. Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно!

— А если я говорю правильно, то и давайте сейчас же обмозгуем. Где секретарь? Пиши постановление! Мы, нижеподписавшиеся, не желаем больше звонить и колоколам не позволим висеть без работы, а потому перестроить их на хозяйственный инвентарь

Вечером в воскресенье церковный сторож Илья залез на колокольню, чтобы дернуть хорошенько в последний раз. Намотав веревки на обе руки, Илья весело сказал:

— Эх, вы, попрыгунчики! Скоро пахать вас заставят.

— Как пахать?—спросил старый великопостный колокол.—Мы—песенники, народ православный сзываем.

— Это дело не годится больше,—сказал Илья.—Будет, попрыгали на своем веку, пора и совесть знать. Снять вас приказано, обратись в инвентарь.

Колокола грустно повесили головы.

Илья успокоил:

— Ну, не тужите, ребята, работа там хорошая, хлеб будете готовить народу крестьянскому, голодных спасете. А то, говорит, вы больно без дела висите здесь—мужики молодые обижаются на вас. Давайте ударим в последний раз и на другую должность перейдем.

Колокола под управлением сторожа Ильи играли в этот вечер больше часу, но никто в церковь не шел.

— Вот видите, сказал Илья, как не кричи теперь, а толку мало. Бывало, ударишь раз пятьдесят—народу полным-полно. Нынче даже старухи оглохли. Обязательно вас снимать придется.

Зубон.

ТАЙНАЯ НАЦИЯ.

Польские власти не разрешают в Восточной Галиции ни одной публичной лекции украинцам.

И вот уже второй год во Львове существует уникум: тайный украинский университет из трех факультетов и с тысячами студентов. Каждый день лекции устраиваются в другом месте.

(«Известия»).

— Восточная Галиция... Вот она у меня где!—говорил пан Пилсудский, проводя ладонью по горлу.—Мы ведь знаем, что там чисто польское население... Что ни пан—то поляк!..

— Что ни поляк, то пан,—подтвердил секретарь.

— Вас кто спрашивает!—нахмурился Пилсудский.—А все-таки—земля в руках у поляков, чиновники—поляки... А тут—какие-то украинцы!..

— Запретить!

Украинцы были запрещены: школы, университет закрыты, лекции не разрешаются на украинском языке, разговор на улицах на этом языке запрещен до 12 часов ночи.

Таким образом Галиция была обращена в местность с чисто польским населением.

Гражданин Чубарь приехал скоро после приказа к своему львовскому знакомому.

— Тише! Тише!—закричал тот на него по-польски.—На этом языке запрещено!

— Как запрещено! А если я иначе не умею!

— После 12 ночи можно говорить...

— Ах ты бис их лягай!

— Ну?

— Ребят хочу учить... Дочку в гимназию, сына в университет...

— Польский?

— Не-ет...

— Запрещено! Ну да я тебе устрою... Тут есть тайный университет...

Вечером Чубарю захотелось сходить в театр.

— Польский есть... Немецкий...

— А ну их! мне бы наш украинский...

— Запрещено... Ну да—только ты никому не говори—у нас есть тайный театр... На три тысячи мест...

— Где?

— Каждый день в новом месте собирается... Пойдем...

Верно: огромный дом, настоящий театр—и по-украински Наталку-Полтавку разыгрывали...

— А как же полиция?..

— Ловит... Ну да где поймать—сегодня на одной улице, завтра на другой—так и перетаскиваем... Иногда пронюхают—а мы в ту же ночь в другое место перенесем. Придут—пусто—как будто ничего не было!

Чубарь удивился:

— Ну и штука!

Представление кончилось в десять часов.

— А теперь куда? Где бы можно было нам с тобой покаякать—не умею на этом ихнем языке...

— Куда хочешь... Тайный украинский ресторан... Тайное кафе...

— Денег нет! Где бы по бульвару пройтись!

— Пойдем.

Свернули в переулочек—а там широкий проспект и с бульваром. Сразу услышал Чубарь родную речь.

— Как же это?

— А это и есть тайный украинский бульвар! Целая улица—подпольная украинская улица! Да-с.

— А как же полиция?

— Вот чудак—ну, конечно, полиция ловит... Только мы ее каждый день на другое место перетаскиваем!

Через два дня Чубарь уехал из Львова. На вокзале молодой человек, пови-

димому, студент, продал ему особый билет, где по-украински было написано название станции и сказал:

— Я вас проведу... Сейчас отходит тайный украинский поезд...

Доехал благополучно. Сходит со станции:

Нет никакого города!

Сунулся к начальнику, сунулся к сторожу—никто не знает, где город!

— Так ведь там жена! Дети!

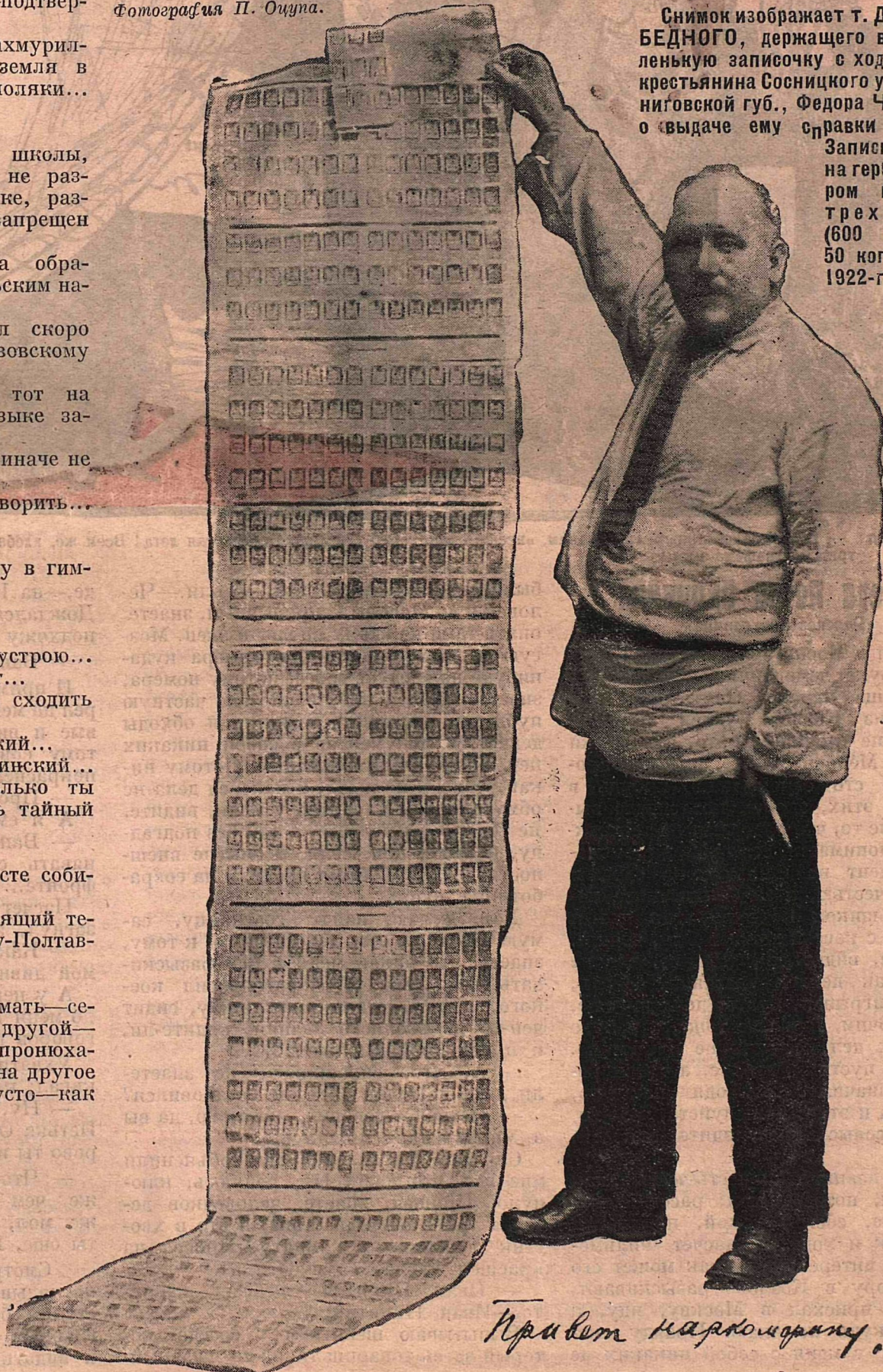
Выручил опять молодой человек:

— Наш город—тайный, украинский.. Полиция пронюхала, так мы его на другое место перенесли! Пойдемте, проведу!

Б. Беря.

Архив „Крокодила“.

Фотография П. Оцуна.

Снимок изображает т. ДЕМ'ЯНА БЕДНОГО, держащего в руке маленькую записочку с ходатайством крестьянина Сосницкого уезда, Черниговской губ., Федора Чепурного, о выдаче ему справки по делу.

Записка оплачена гербовым сбором в размере трех рублей (600 марок по 50 коп. взнаках 1922-го года.).

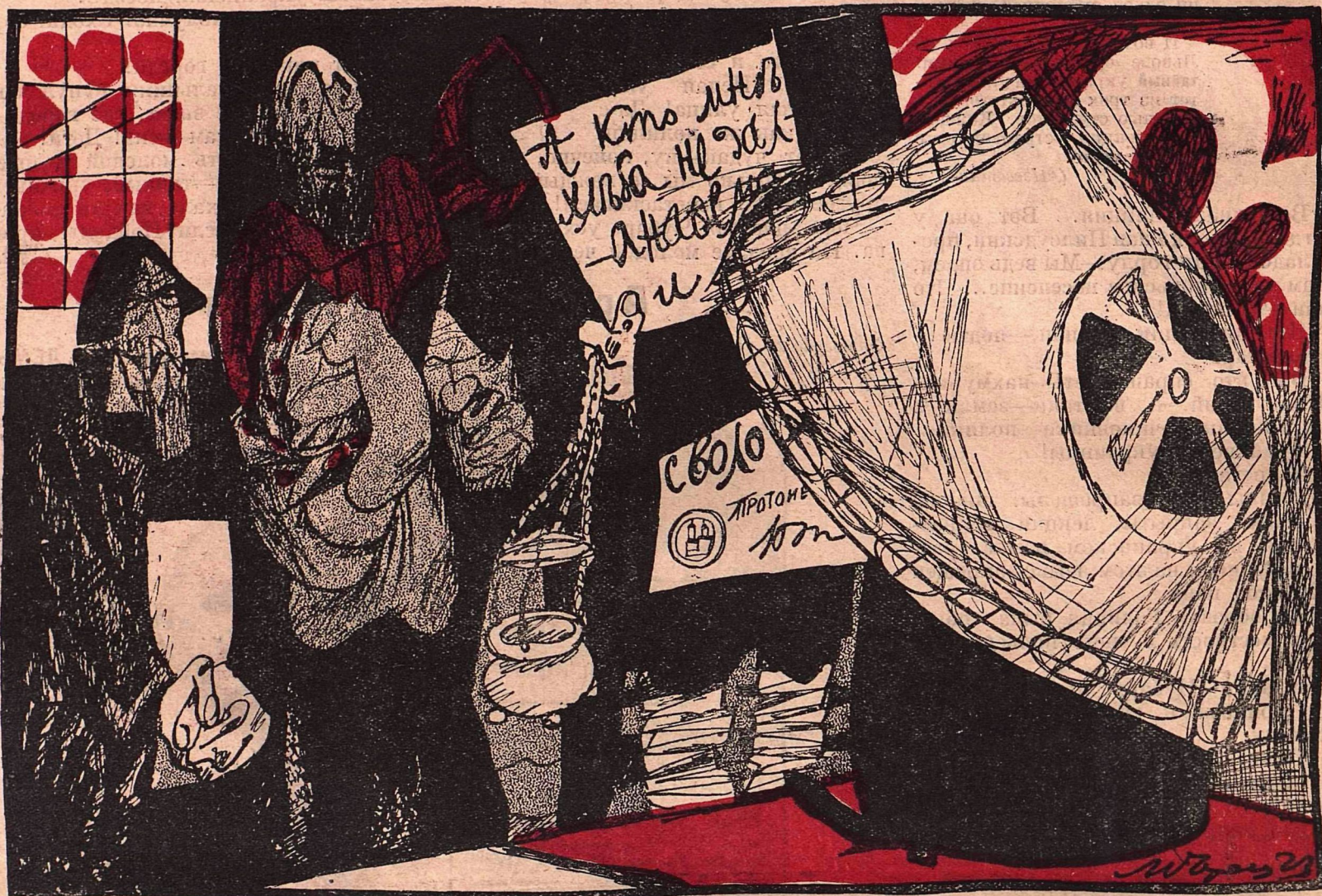
Привет наркомрану!

Дем'ян Бедний

Новый чин богослужения.

В селе Сидоровском, Камского уезда, кучка кулаков постановила обложить каждый двор по пуду зерна в пользу батюшки. А батюшка сделал приписку: „Отказывающихся от уплаты налога внести в список неверующих“. („Известия“).

Рис. М. Черемных.

Поп: — Всем православным христианам, внесшим мне зерно с излишком, — многая лета! Всем же, хлеба мне не принесшим еретикизм, — трижды анафема-а-а!

Карьера Петра Окуркина.

(Рассказ 'проходимца').

Приехал в Москву, знаете, иду с вокзала, в руке чемоданчик желтенький, прямо душа играет. Опять-таки, например, из Козлова успел выехать. Конечно, не торопясь я это, а все-таки неудобно. Мелочь, знаете, пустяки вроде, тысяч сто сорок каких-нибудь в дензнаках этих, знаете, последнего выпуска. И не то, что растратил, а так как-то. Сами понимаете, если у меня, к слову, документ на Филимонова был, и все честь-честью, и за Филимонова меня артельщиком приняли, так что я цацкаться с кассой должен был, что-ли.

И самое, видите-ли, обидное, что не помню, как деньги растаяли. Играл, знаю, проигрывал, будто, девочки еще, между прочим, пил еще тоже, а только куда я их дел все-таки не припомню.

Словом, пустяки, знаете, а тут и ревизию назначили. Приходят какие-то, я им и так и этак: пожалуйста, говорю, книги кассовые поразглядите, а я сейчас.

Так вот, извинился я честь-честью, как полагается, потому, мол, расстройство желудочное, сбегал домой, прихватил чемоданчик и ходу. А насчет Филимонова, если интересуетесь, так может его по сию пору в Козлове разыскивают.

Словом, приехал в Москву, иду, а податься куда не знаю. Правду сказать, денег у меня с собой никаких не

было, так рубликов сто, что-ли. — Человек я до Москвы непривычный, знаете, опять-таки каждому ночлег нужен. Мозгую я, вымозговываю, в номера куда-нибудь не следует вовсе, потому номера, знаете, плохенькие, если под частную публику, например, и милиция обходы делает, и документов с собой никаких нет, кроме Филимоновских. Потому никак ревизии не ждал, и наперед дела не обмусоливал. Характер у меня, видите, не то, что занозистый, а так без подгадцу, и вид такой, если, в смысле внешности, к слову, обтерт вроде, и на совработника схож.

Дай, думаю, найду гостиницу, самую что ни на есть делегатскую, к тому, знаете, что никак меня в ней разыскивать не удумают. Порасспросил коекого, нашел, стало-быть, вижу, сидит чей-то из военного звания, видите-ли, и в носу поковыривает.

— А, что, спрашиваю, — не знаете-ли, где товарищ Петров остановился? — Петров, — говорит, — не знаю, да вы в Управлении справьтесь.

Спросил Управление где, объяснили мне все, что надо. Ну, радуюсь, клюнуло. Пришел, знаете, человечков десятка три в очереди стоит, я это в хвостик и бочком в комнату. Присел на краешек стула, слушаю.

— Иван Никитич, — щебечет какая-то, — Иван Никитич!..

Выпытываю шепотком у соседа, который здесь товарищ такой-то, главный-

де, — на Ивана Никитича и показывает. Дождался я, понимаете, своего череду, подхожу этак приветливо, и в слезу.

— Ваня, — говорю, — здравствуй!

И прямо, пониже усов, чмок. Посмотрел на меня тот (а я его, понимаете, впервые и видел-то). Смutilся, вроде, потому совестно-де приятеля не узнать, покраснел:

— Простите, мол не узнаю что-то...

А я ему:

— Ваня, стыдись. Старого друга узнавать совестишься. Чай, вместе на фронте...

Насчет фронта это я наугад, конечно, загнул, ан-нет, знаете, помогло.

— Как же, — тужится тот, в седьмой дивизии?...

А у него, милого, видите, человек сто до меня перебивало, так от одних разговоров память поотшибало маленько.

Ухватился я за седьмую, головой закивал; как же... А тот:

— Ну, узнал, — говорит, — не иначе, Петька Окуркин, дружище, только здорово ты изменился с виду-то.

— Что-ж-думаю, — чем Окуркин хуже, чем Филимонов. Подтвердил; как же, мол, Окуркин он самый и есть. А ты еще, Ваня, не распознал сразу.

Смотрю округ барышни с почтением поглядывают, а курьер, тот прямо со стулом бежит. Потому видят, что я с главным их самым по-свойски, на ты, и видать, приятели давнишние.

Казинофикация Москвы.

В Москве увеличилось количество игорных заведений. (Из газет.)

Рис. М. Черемных.

— А что,—спрашивает —с Сидоровым стало?

— Умер,— говорю,— сыпняком заболел, холера еще у него была...

Чувствую, обмяк паренек, кладу чемоданчик на стул и вежливо этак так-таки и говорю прямоком:

— Ты уж извини меня, Ваня, только как не виделись мы с тобой столько времени, не могу я чтоб у тебя остановиться, заночевать тоесь?..

Услышал это, представьте себе, рукой машет:

— Чего-мол тебе, тов. Окуркин, себя стеснять. Дам я тебе лучше номер, сподручнее в нем...

Получил номер в гостинице, ничего вроде, только не совсем в аккурате, мал будто и не казист. Особенно в рассуждении мебели туго. Пошел к коменданту, так и так говорю, телефон Иван Никитича нужен. Звоню это я, натурально ручкой около рычага орудую, на предмет выключателя тоесь, так и говорю на шермака, в пустую:

— Алло, кабинет заведующего. Ваня? Ты, лысый чорт? Здравствуй. Номер переменить... Гоголишь, сказать коменданту? Ладно. Только уж смотри...

Положил трубку на место, гляжу, комендант в пропорцию иную вошел.

— А я,—лебезит,—не знал, что вы от Ивана Никитича будете. Пожалуйте, другой номерок...

Устроился я, как следует, прожил денечка три, надо, мозгую, место себе светское обозначить, потому какой человек без должности. И потом, знаете, люблю это я заведующим каким-нибудь быть или, например, замом. Человек я тоже не жулик какой-нибудь и опять-таки образование имею второго разряда. Вынюхал, прихожу в такое учреждение, что и сказать, не поверите. Что ни дверь—плакаты повешены, без доклада не разговаривать, на пол не плевать и все прочее... Понятно, у всякого заведения амбиция своя, и потом, как есть я никто иной, как Окуркин Петр, так почему ходу мне не должно быть здесь иль вообще.

Зашел в кабинет к одному, сидит, бумага выше головы наложено, как есть зашился.

— Здрате—говорю,— Иван Никитич просил, чтоб с вами о назначении каком перетолковать...

Он это, конечно, поверх очков глянул, с бумаг, видно, в голове каша, однако поправил:

— Иван Николаевич, как же... Говорил он о вас, знаю. И притом такую фамилию назвал, что не то, чтобы слышал ее когданибудь, а так никак на фамилию Иван Никитича не похоже. Ну, думаю, Николаевич, пусть Николаевичем и будет, а только требуется, чтобы замом и никаких. Написали мне записочку, и слова в ней золотые прямо-таки: устрой де, давно знаю, вместе работали...

Опять-таки в голове мыслишка ворочается, куда на одной записочке выедешь. Сошел к телефону, улучил время поспособнее, чтобы мимо не шлялись, звоню:

— Так, мол, и так, говорит секретарь самого... И такую я персону назвал, что и... И далее этаким манером загибаю и ввинчиваю:

— Будет у вас седни товарищ Окуркин Петр, так его сам такой-то устрой просил и получше...

Задрал нос кверху, пришел, куда следовало, красота. Назначили меня сло-

Шуллер (внизу): — Чем вы меня бьете? В руководстве клубной игры шуллеров можно бить исключительно канделябрами!

вом, и название у меня зам, только не всамделишный, знаете, а так, потому никаких вакансий не было. Смотрю, отдел не отдел, подъотдел вроде, а все-таки зам, а не что-нибудь.

Опять-таки не было у меня в тот день ни копы, и решил я, понимаете, аванс себе попросить, потому какой может быть зам без авансу. Получил на аванс резолюцию разрешительную, ордерочек за подписями, что полагается, шагнул только в кассу, знакомая, знаете, личность выглядывает, а что бы бежать так некуда. Смотрит на меня, поглядывает, шепчет соседу на ухо, пошептывает, и вдруг шашь и за шиворот.

— Держи—кричит—знаю я его физиономию, и никто он, как жулик харьковский и ракло. И мои, Филимонова, документы совместно с деньгами, сукин кот, без промаху спер...

И. Ноемлез.

Со сверхурочных.

Ночь. Шагается лениво.
Длинной цепью фонари.
Простучал трамвай кр кливо—
Номер три.
Хоть бы пять! Захлопнул веки.
Ветер веки холодит.
Полутьма, лишь у аптеки
Свет горит.
Ноги овигатья устали.
Поскользнулся, чуть не лег.
— Что за черти накатали
Тут каток!..
Из пекарни свежим хлебом
Теплой стружкой понесло.
Подышал. Взглянул на небо—
Тучек нанесло.
Стороже к сторожеу тащится
Погуторить и курнуть...
Поскорей бы, лечь укрыться
И уснуть!
Вас. Лебедев

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“

ПЕЧАТАЕТСЯ
И ВЫХОДИТ
В СВЕТ

„КАК КРОКОДИЛ В ЦЕРКОВЬ ХОДИЛ“.

Текст Демьяна Бедного; иллюстрации худ. М. Черемных.

Бойкая торговля.

Уездный наробраз об-
ъявил войну против рос-
курки литературы кре-
стьянами.

Заведующий Опенковским
губнаробразом в годовом до-
кладе отметил:

— Несмотря на неблагопри-
ятные условия нашей работы,
несмотря на частичный недо-
род в некоторых уездах, про-
щешение, и главный его фак-
тор—книга проникает в де-
ревню. Я полагаю, что
не мешало бы взять это дело
в руки партии и послать офен-
ю агитатора с полезной для
крестьянства литературой...

Так и было сделано.

Первыми заметили нашего
офеню мальчишки:

— Газеты приехали! Газе-
ты!—закричали они.

«Ну, торговля будет», по-
думал Опенкин.

И действительно, скоро один
за другим начали подходить
мужики.

— Газетку бы мне,—говорит
один.

— Пожалуйте,—сказал Со-
болев, подражая настоящему
торговцу.—Какую желаете,
местная столичная из самого
Питера.

Мужичок сначала взвесил
на руках опенковскую газету,
потом московские «Известия».

— Сколько стоит-то?

— Та пятьсот, а эта ли-
мон... Если вы хотите знать,
что делается в городе Опен-
кине и в вашей губернии, чи-
тайте вашу газету...

Мужичок остановился на
«Известиях».

В полчаса газеты были рас-
хватаны. Подходит еще мужи-
чок.

— Газетки нету? Ну, так
книжечку мне!...

Долго копался и выбрал
отрывной календарь.

— Сколько?

— Три...

— Только три?—заметил му-
жичок, уже купивший газе-
ту,—а я и не знал! Дай-ка
и мне!

— Хорошая штука кален-
дарь—я его газете завсегда
предпочитаю...

Подшли еще мужички:

— Пожалуйста—книжечки,
со скидкой... Сельско-хозяй-
ственные... Руководство к раз-
ведению огородов... Свекла.
Посадка картофеля...

Один из мужиков потянулся
к книге:

— Во-во! Этот самый кар-
тофель-то! Как раз хорошо!
Другой, ошупав книгу:

— В самый раз—давай и
мне картофель!

Первый:

— Давай пару! Пять лимо-
нов пара? Давай!

— На что же вам две... Вот
возьмите «Свекла»..

— Тая получше будет!

— В деревне скажите—
пусть приезжают!

— Приедут!

Книга пошла очень бойко.
Брали «Скотоводство», «Пчело-
водство», «Как мужик от по-
па избавился?», «Как обращаться
с винтовкой», и даже руковод-
ство к пулеметной стрельбе.

— Для чего же это вам?—
изумился Соболев.

— Пригодится... В хозяй-
стве все нужно!

Но в хозяйстве оказалось
нужны и не такие книги: По-
шла за дешевку—бешено тор-
говался мужик—«Новые мето-
ды борьбы с рыбными вреди-
телями на берегах Тихого оке-
ана», «Основы дифференциаль-
ного исчисления» и антиквар-
ная—«О происхождении фа-
миллии князей Опенкиных», со-
ставленная к тысячелетию го-
рода, бог знает как попавшая
нашему офене.

— Кто ж у вас это читать
будет?—спрашивал Соболев,

— Найдется кому!—ухмы-
ляясь отвечал мужичок—и в
глаза было видно: мы не лы-
ком шиты!

К концу базара ни одной
книги не осталось. Только на
ноты и самоучители игры на
мандолине не было спроса:
повеютят в руках—и не возь-
мут.

Все-таки Соболев был рад
первому опыту—торговля идет
хорошо—в следующий раз на-
до послать не одного только
офеню—несколько. Спрос на
всякую книгу, на газету...

Сердце у Соболева так и
прыгало от радости.

— Зайду в чайную—озяб,
да и послушать, что говорят.

Зашел

в чай-
ную. Чай-
ная бы-
ла пол-
на му-
жиками:

многих Соболев узнал—по-
купали книги.

За одним столом говори-
ли о книгах:

— Дороги больно—не уку-
пишься!

— Газеты-то скоро расхва-
тали!

— Газеты-то, конечно, спо-
собнее...

— Ну, и календарь... Я тебе
скажу: в календарях бумага
куда лучше газетной...

Смотри!

Соболев вздрогнул: мужи-
чек безо всякой церемонии
вырвал лист из календаря и
дал соседу. Тот помял его в
пальцах.

— Хороша! А мне дрянь
осталась!

И вытащил «Скотоводство».

— Да, толстовата,—заметил
сосед... Да ты что это?—при-
бавил он, видя, что мужичок
отрывает лист от «Скотовод-
ства»—бери пока мою! Табак-
то есть?

И, вырвав из календаря еще
по листочку, мужики заку-
рили.

Соболев не стал и сидеть в
чайной.

— Черт-бы их взял!—думал
он.—Мы для них стараемся,
а они вот что!

И в тот-же час уехал об-
ратно в Опенкин.

Матвей Кредит.

По распоряжению Мо-
сковского Комгоза ча-
евые могильщикам от-
меняются.

(Из газет).

Рис. М. Черемных.

Голос из под земли:—Вывеску повесили,—а дерут с живого и мертвого!

«Ара» по грузински значит «нет».

Крестьянин Рязанской губернии Дмитрий Дрозд на Кавказ собрался, в Тифлисе.

К родным, на побывку ехал.

Ждал в Рязани на станции, смотрит, на путях эшелон стоит, не иначе с хлебом. Сунулся к носильщику, спрашивает:

— Земляк, кому это хлеб везут?

— Как кому,—говорит носильщик:— голодающим, стало-быть, мериканец помочь рассказывает. Арой прозывается...

— Ишь ты,—подумал Дрозд:—штука... Гайка у ей, у Ары, дюже, видать, здоровая, ежели поездами пущает»...

Под самым Петровском влезли в вагон какие-то, форма, что следует, в роде того офицеры заграничные.

Порасспросил Дрозд, опять Ара оказывается. Переехали только границу грузинскую, на станции цельный состав с цистернами, а в цистернах нефть, наша—Бакинская.

Подождал Дмитрий к чумазому этакому, спрашивает:

— Не знаешь ли, человек милай, куда это карасин возют?

— Ара говорит тот, ара...

Удивился Дрозд: «На-кось, хитра тоже, мериканка. Весь карасин, поди, берет».

Сосел в Тифлисе Дмитрий, мешок через плечи перемахнул, идет. Курить невтерпех хочется.

Нашел лавчонку.

— Так и так, папирос нет ли или махры скажем?

А лавка, как на зло, скобяным товаром торгует.

— Ара,—кричит грузин,—ара, кацо.

Совеет Дрозда озадачили. «Накось: не лавка-ларь и корысти в ей, например, ни на грош, а туды же,—всем Ара наворачивает».

Идет дальше, дивится. Глядит—вывеска, на вывеске, что в казенке выставка: и вина тебе, и водки всякие.

Шагнул Дрозд, так и говорит прямо:

— Самогон есть, что-ли ча?

Замахал продавец руками, гнусавит:

— Ара и ара. Вино виноградный есть.

Озлился Дмитрий, ругается: «Вот дьяволы, комар им в нос. Мериканцы, Ара проклятая. Русского человека и «благодотворить нечем»...

Побрел Дрозд, вышел на Головинский, дом огромный стоит, в белое с красным крашен. Поклонился Дрозд дяде здоровенному, что с бляхой в под'езде стоял, полюбопытствовал.

— Извиняемся-де. По-нашему деревенскому соображению не иначе здесь Совдеп помещается.

— А тот взглянул еле-еле глазом одним и ответил:

— Ара, кацо, банк здесь.

Такая тоска взяла, не скажешь. Затосковал Дмитрий страсть. Про себя и в бога и в крест крест, потому какие порядки, когда мериканцу весь Кавказ, почитай, отдан.

Пенечел Дрозд бумажечку, еродственники на ней прописаны, а самого сумление берет, что приехал. До того тошно.

Завернул за угол, театр не театр, а в лампах все. Точно в раю у апостолов. Невдомек Дмитрию, сунулся.

бывшие русские люди в Юго-Славии учреждают общества «чинов министерства внутренних дел, финансов» и т. д., ибо они убеждены в том, что в России все восстановится по старому и их призовут.

(Из газет).

Рис. Д. Моора.

Дачно истлели телеса
В мзтах о ярком блеске трона,
А эмигрантская ворона
Все так-же верит в чудеса!

— «Министром я хотел бы быть!»
— «В. для министра слишком тупы!»
Так в наши дни живые трупы
Не в силах прошлого забыть...

— Нельзя ли поглядеть, что ли ча, иль вопче... А в ответ ему «ара и ара».

Услышал Дрозд, заплакал прямо с досады, так и решил добраться до сродственников, запить мертвую. Однако, не дошел (при мешке не вольготно), глядь—красноармейцы с ружьями, а посеред по-господски одетые ковыляют.

— Бандиты, видать,—решил Дрозд:—с чего иначе в холодную тянут.

Однако, порасспросил малость. Подошел к одному, выведывает:

А тот только одно и заряди:

— Ара.

Услышал это Дмитрий, хоть в бога и не верил, перекрестился:

— Так им, сволочам, и надо. Да и то ведь, на что в силе была, и ту под замок упрятали!

И. Кремлев.

Библиотека „Крокодила“.

Печатается

и скоро выходит в свет

Демьян Бедный:

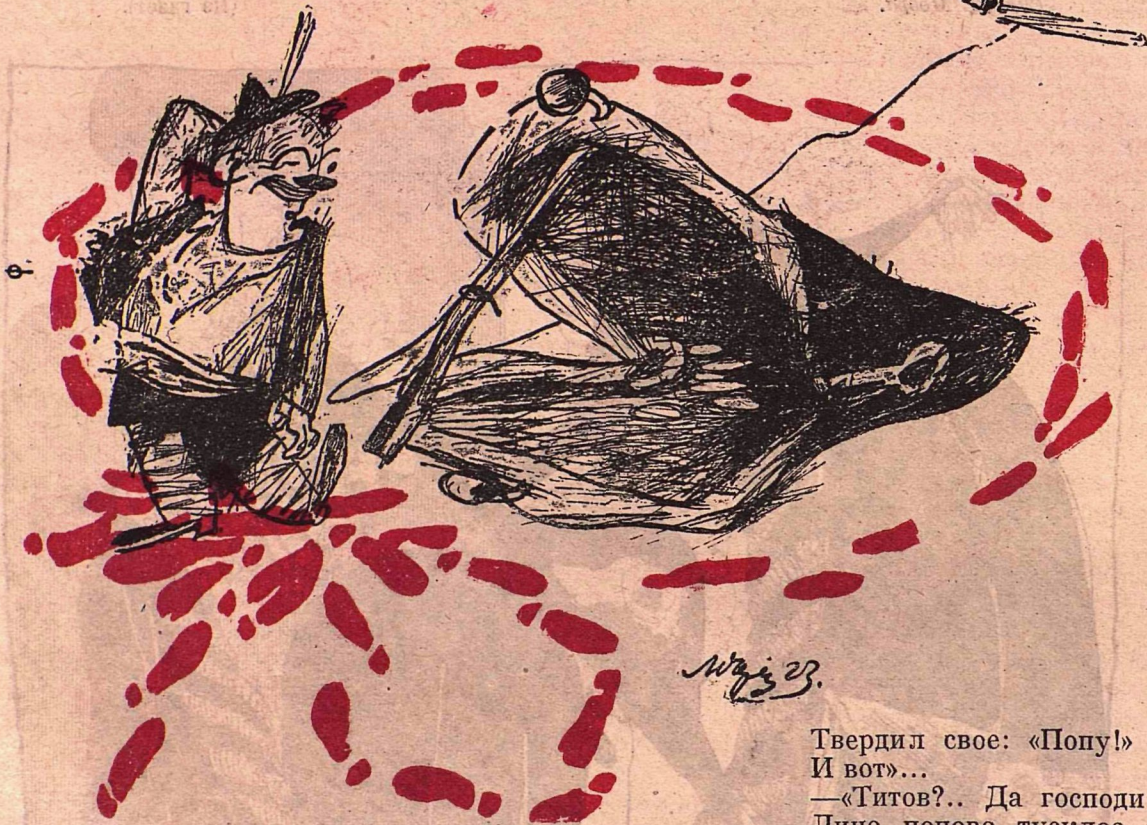
**„Как 14-ая дивизия
в рай шла“.**

Иллюстрации худ. Мих. Черемных.

Генерал Врангель опять мобилизует свои „войска“, причем сообщает, что в Сербии будто бы открылись новые богатейшие рудники, на которых выдается колоссальная плата.

Из газет.

Рис. М. Черемных.

Опять мобилизацию
Провозгласил барон.
Но, чуя провокацию,
От «благ» бегут все вон!

За горкой Врангель молится:
«Не обману ужель?»
И хочется, и колется:
Обходят все кошель!..

Кому в С.С.С.Р. жить хорошо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопрос с наркомом выяснен.
Закончив все формальности,
Составив протокол,
Задумалась комиссия:
Теперь к кому же двинуться?..
Прошли неспешно улицу,
Прошли и переулочек,
Свернули в тупичек...
Тогда Титов решение

Дал пальцем указательным:
«А здесь,—в наружном кор-
пусе
Квартира двадцать первая,—
Живет знакомый поп!»
«Стучать Звонок бездей-
ствует».

В ответ на стук комиссии
Лицо попово строгое
Явилось из дверей.
«Что надобно?»—«Комиссия!
Войти позвольте, батюшка!»—
Лицо попово строгое
Смягчилось в тот же миг.
«Жилищная?.. Пожалуйста!
Прошу покорно в горницу!
Хотя... какие ж горницы?..
Живу, сказать вам надобно,
В великой тесноте!
На первый взгляд просторною
Квартирка вам покажется;
Сие, однакож, призрачно,
Семейством многочисленным
Обременен зане!
Понеже площадь она,
До норм»...

Тут Евтихий
Прервал попу внушительно:
«Мы, батюшка, не с тем!
Мы к вам командированы
Не домоуправлением...
Мы, так сказать, комиссия
С особенным заданием;
Пожалуй,—чрезвычайная»...
Поповы щеки круглые
Обвисли в тот же миг.
«Помилуйте ж... Какие же
К сему возникли поводы?..
Враги, конечно, злобствуют:
От оных очернение
Возможно клеветой,
Но... Тут вмешался Сидоров:
«Мы, ваше преподобие,
Не от Муура присланы
И не от Г. П. У.;
На всех на нас особое
Возложено задание:
В кратчайший срок обследо-
вать,

Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр!
На пленуме различные
У нас столкнулись мнения:
Петров сказал, что напману;
«Нарком», молвил Сидоров,
Покорный ваш слуга;
«Совбурю толстозадохму»,
«Посреднику», «редактору»,
«Партийному работнику»,—
Такие были мнения;
Титов же, все их выслушав,

Твердил свое: «Попу!»
И вот»...
—«Титов?.. Да господи ж!..»
Лицо попово тусклое
Блеснуло озарением:
«Простите, не признал!
Титов!.. А с ним компания,
Смекаю я, своя?..»
—Своя, отец, компания!..—
«Хе-хе!.. А страху, страху-то
Нагнали, нечестивые!..
Что б сразу-то сказать?..
Но что же я... Пожалуйте ж;
К столу прошу покорнейше!
Мать попадья, закусочку
Сооруди-ка нам!»
...Уставлен стол закусками;
Графин с прозрачной жид-
костью

Туманится слезой.
Мать попадья дебелая
Гостей нежданных подчует.
Раз пять хватив «единую»,
Налив гостям «повторную»,
Расправил поп браду:
«Н-да-с... Нуте-с?.. Знать же-
лаете,

Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр?..
Желание похвальное,
Но только не по адресу
Направлен сей вопрос!
Судите сами, граждане:
Какое ж мне веселие?..
Религия шатается;
Кю храму прилежания
Не встретишь днесь ни в ком!
Сие усугубляется
Церквей соревнованием:
Живая спорит с мертвою,
А обе—с возрождаемой,
А эта—с трудовой.
Хе-хе»...

Поп встал к графинчику.
«Грехи!..» — вздохнула матуш-
ка.

А Сидоров спросил:
«Но вы-то?.. Так, по совести,
Вы как насчет религии?..»

Пожал плечами поп:
«Конечно, смыслу здравому
Противоречит она,
Но... сей вопрос к чему б?..»
—А вот к чему: какое же
Вам горе от неверия?..—
Поп крикнул с удивлением:
«Позвольте-с... Как же так?
Доходов—оскудение,
Во храме—запустение,
В церковной кружке—шиш.
Попу же—мало горюшка?..
Поп что же: пьян от ладана,
От духа свята сыт?..
Приметил я: усмешливо
На яства вы взираете...
Балык, икорка, окорок—
Весьма ли, дескать, вяжутся
С роптанием попа?..
Но тут—статья особая;
Сие—восьмое таинство,
«Коммерция» рекомое,
Хе-хе, хе-хе, хе-хе!..
Оно сказать, духовному
Не подобало б званию,
Но»...

Поп привстал к графинчику.
«Грехи!.. — вздохнула ма-
тушка.—
Не будет ли?..»—Евтихий
Скосил на рюмку взгляд.
«Ну, полноте!.. Однакоже,
Вернемся к рассуждению:
Валютую—прокормишься,
А господам—никак!..
Конечно, есть и тернии
На сих путях. Вот, давеча:
Назавшись «чрезвычайною»,
Меня, признаться, граждане,
Смутили вы зело.
Ведь, звание духовное—
Какой же щит при нынеш-
них...

А впрочем, претерпеваю
Не будем трогать власть.
Скажу лишь вскользь: при-
числены
Мы к лику паразитному;
Обложены налогами...
(«Служители-то господа!..
Грехи!»..—вздохнула ма-
тушка).

«Мать! Не перебивай!..
О ч-чем, бишь, я?.. Не ве-
рие...
М-ма... теря... листичество!
Ребята даже малые
Смеются над попом!..
Эх... Было раньше времячко
(Вернись, вернись,
желанное!..)

Когда не Марксов-Энгельсов,
Не коммунизма азбуку,—
Псалтирь с Четьи-Минееми
Читал простой народ!..
Когда... рабу смирение,
И злу непотворение,
К попу же—уважение
Внушал г-город-до...вой!..
Когда»...

...—Далеко за-полночь
Продлилось заседание.
Подмокла вся комиссия,
Слезами капал пьяными
Зело размякший пэг...
«Грехи!» — вздыхала матуш-
ка

И—«Время невозвратное»
Сыграла очень жалостно,
Усевшись за рояль.

Грамень.

Времена меняются...

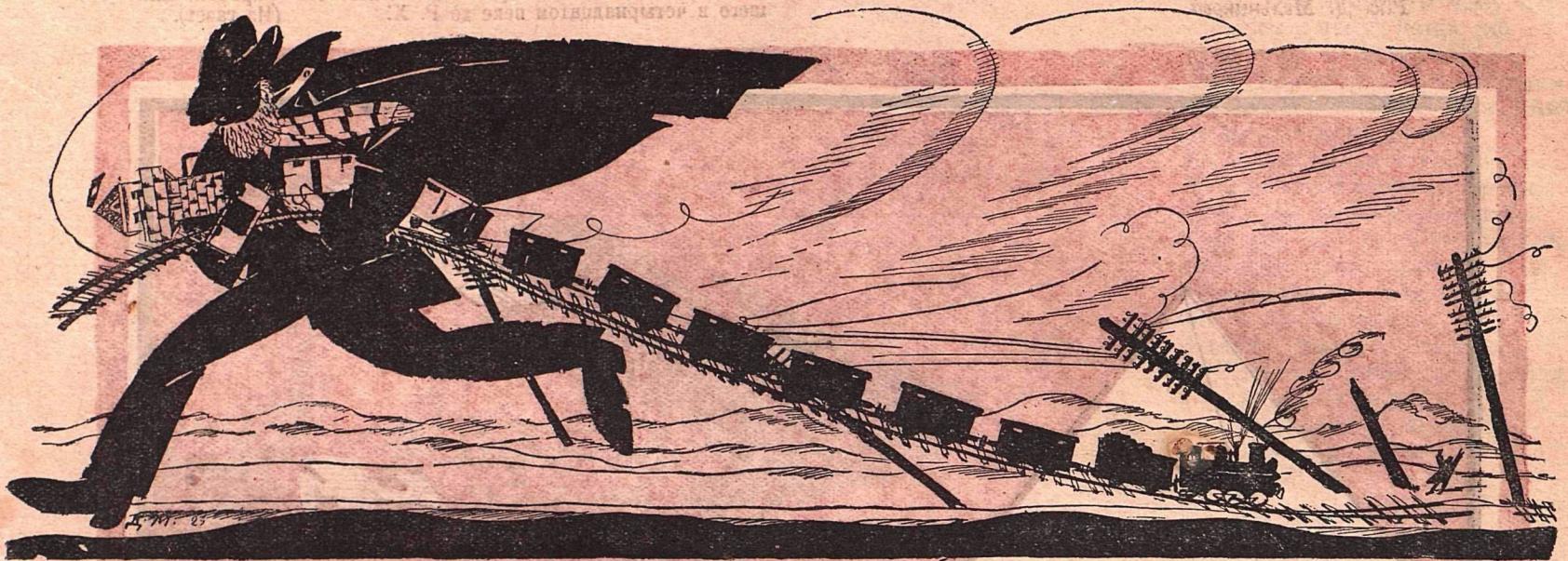
Рис. Д. Мельникова.

В Египте найдена гробница египетского фараона, жившего в четырнадцатом веке до Р. Х. (Из газет).

Египтяне:—Товарищи, изучайте историю! В древности фараоны угнетали евреев,—был исход евреев из Египта. Потом фараоны угнетали наших отцов и дедов, но произошел вход англичан в Египет и исход фараонов из Египта. Теперь англичане зафараонились и гнетут нас—мочи нет, но в Египет вошли коммунисты, которые зовут нас восстать и произвести исход из Египта, как английским, так и египетским буржуям. Это, братцы, дело! Как вы думаете?

Рис. Д. Мельникова.

Полиция г. Амьена усердно разыскивает воров, похитивших железно-дорожную ветку в два километра длиной между Амьеном и Шюизье. Похищены рельсы, стрелки, телеграфы, сигналы, будки, вся линия, выстроенная во время войны. („Известия“).

Украсть железную дорогу очень просто...

ВИЛАМИ В БОК.

Гоголь превзойдет.

У Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» говорится, как бурая свинья утащила из суда прошение. То, что произошло в Рыбинске, превосходит даже гоголевскую фантазию:

При ревизии загонтеры в Рыбинске в складе не хватило оправдательных документов. Долго их искали, и, наконец, все квитанции и счета нашли в мешке с мукой, изъеденном крысами. Бумаги также были изъедены и в них лежали 3 поворожденных крысенка. Р. К. И. при этом в затруднении.

А по-нашему—дело просто: в виду пристрастия заведующего складом к разным мелким животным и в виду того, что мыши ему уже сослужили службу, показать ему, где раки зимуют. Пусть он с ними позабавится.

Распивочно и расписочно.

Комсомолец Черный пишет:

«Уважаемый Крокодил очевидно, ты ничего не делаешь.

В нашем Новозыбковском уезде, Гом. губ. самогонка до того вошла в обиход, что председатель сельсовета Денисковской волости, Козаков, при сдаче дел вновь избранному сельсовету представил оправдательные документы, среди которых попались следующие:

Расписка на 3.000.000 руб. за 2 бутылки самогонки, и расписка на 2.000.000 руб. за 1 бутылку самогонки. Вышли кусочек твоего хвостика, чтобы немного подстегать Умилицию».

«Крокодил» кусочек хвостика посылает почтой и надеется, что новозыбковская уездная власть запишет председельсовета Козакову его расписки ему в «кредит».

Впавшие в детство.

Старые черносотенные зубры, скопившиеся за границей, чрезвычайно заняты вопросами... омолаживания.

«Руль» рассказывает:

Появившаяся недавно газетка «Что делать» выпустила с тщательно сделанным изображением Кирилла Владимировича, представленного в виде какого-то семнадцатилетнего херувима. Чтобы не ударить лицом в грязь, высший монархический совет преподносит своим читателям «дорогой новогодний подарок», помещая портреты Марии Федоровны и Николая Николаевича, снятые, примерно, 40—50 лет тому назад.

Третья монархическая группа преподнесет, вероятно, портрет самого Николая последнего, снятым в то время, когда он был грудным ребенком.

— Посмотрите, дескать, у него еще и зубы не прорезались, а вы говорите—крававый!

Напрасно обидели.

В союзе водников Котласского Рупвода в финансовом отделе служил некий счетовод Муксунов. В один прекрасный день обнаружилось, что сей счетовод был жандармом. Выстаили Муксунов... обиделся и подал такое заявление:

«Врагом советской власти, а также товарищам рабочим и крестьянам я не был и не буду, что вполне подтверждается фактом, а именно тем, что я с 1-го мая 1915 г. по революцию служил на станции Котлас... жандармом».

И никакой тебе справедливости в советской России нету! Служил честно, тащил и не пушал, за крамолой следил и вот тебе такая обида! Действительно, понапрасну обидели человека!

Вершки, мешки и смешки.

Тов. А. Дмитриев сообщает любопытную историю, как «Центротрест» заготавливает хлеб:

Для обеспечения рабочих хлебом «Центротрест» по соглашению с «Центрокооперативом» отпускает последнему на реализацию партию московской мануфактуры из расчета по одному аршину ситца за пуд хлеба, и необходимое количество порожних мешков.

«Центрокооператив», в целях приближения товаров к потребителю, отпускает мануфактуру Губкооперативам, но учитывая тяжесть налогов, организационных и прочих расходов—удерживает в свою пользу по 4 вершка с аршина.

Райсоюзы (уездная кооперация), в целях дальнейшего продвижения товаров и сбыта их в самую гущу потребительской массы крестьянского населения, отпускают мануфактуру для реализации на хлеб Сельским Кооперативам, но учитывая... и прочее—удерживают в свою пользу тоже по 4 вершка с аршина.

Сельские Кооперативы, получив на заготовку хлеба московскую мануфактуру по эквиваленту: 4 вершка за пуд, учитывая и не учитывая, тщетно пытаются уговорить крестьян отдать хлеб... даром...

Кому достаются вершки, кому возвращаются порожние мешки, а нам-нам смешки да смешки.

Даже фамилия царская.

Завком Ковровского завода № 4 просит содействия:

Правильность распределения жилой площади Ковровским Коммунальным Отд. доверена бывшему виноторговцу и содержателю торговых номеров гр. Романову.

На что лучше довериться тому, от кого рабочему действительно можно ожидать всего, но лишь не справедливости! Очень бы хотелось, чтобы «Крокодил» хоть одним зубком уцпинул кого следует за подобные явления.

Нэп, конечно, Нэп, но если идти по пути Коврова, то в завком нужно посадить бывшего хозяина, а в культпросвет—попа.

Ведь в Коврове не мало безработных пролетариев—почему бы не использовать их для пролетарских должностей.

Ретивый псаломпевец.

А вот что пишут нам из Иновенской вол. Мологского уезда:

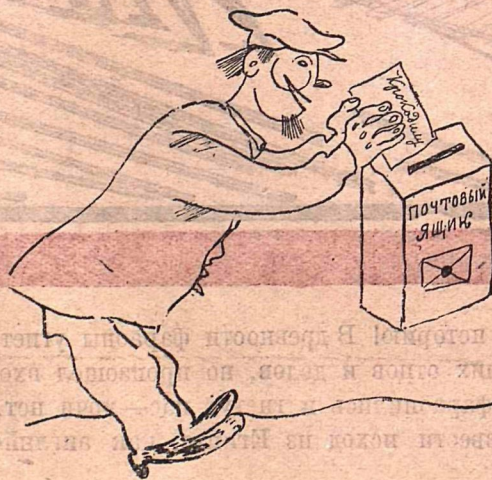
Председатель Иновенского волисполкома Лебедев, бывший в своем селе псаломщиком, разогнал волостной комитет взаимопомощи, превысив свою власть.

«Крокодил» предлагает откомандировать ретивого псаломщика по специальности: пусть его поет псалмы,—в волисполкоме ему не место.

К суду зверей и птиц!

Заведующий Совхозом «Юрьево» (Краснохолмского уезда) подал заявление на медведя в милицию за то, что тот съел озимь на нескольких десятинах. Такое же заявление подано им на гусей и журавлей, съевших тоже несколько десятин посева. А на коршуна составлен акт в том, что он утащил двух куриц и цыплят.

А что если гражданин коршун на суде докажет свое алиби и попросит произвести дополнительное расследование на кухне заведующего совхозом?

И Г Р У Ш К И.

1. Кукла.

Расписная, деревянная,
Пазнет краской и сосной,
Важеватая, румяная,
Точно яблок наливной.

Правым глазом лихо щурится,
Черной бровью не моргнет,
Целый день глядит на улицу:
Кто проедет, кто пройдет.

А уж ночью баба бойкая
Отгуляет свой покой.—
Ведь недаром кучер с тройкою
Раскатился под рукой.

Ведь недаром шесть солдатиков
Возле стенок встали в ряд,
Ведь не даром шесть усатеньких,
Рот разинувши, глядят.

Только б смерклось. А уж кони-то
Прямо чистая беда:
Грудью врезаются в супони то,
Рвут с размаху поводья.

Только-б смерклось—уже всегдаш-
ние

Кавалеры тут, как тут.
Поднесут цветы бумазные,
Все, что хочешь, поднесут...

А когда мятелью пьяною
Ночь бессонная пройдет —
Кукла хитрая, румяная
Будет щуриться в народ.

2. Ванька-Встанька.

Вечно, вечно все качаться,
Виться об пол и вставать,—
Ни забыться, ни уняться,
Ни минутки полежать!

Только лег:—«А ну-ка встанька!»
Крикнул дьявольский свинец,
И встаю я, бедный Ванька,
И приходит сну конец.

От качанья, от шатанья
Я бессильной злобой пьян,
Глядит в лицо страданье
Из-под красок и румян.

Злой свинец всегда на страже,
Дни проходят, как в бреду..
Жду с отчаяньем: когда же
Я навеки упаду!?

Вас. Ле едез.

П О Ч Т О В Ы Й Я Щ И К.

Москва.

Т. Лосенко. Крокодил боится, что вы не правы. Разве лучше было бы, если бы у вас на заводе вспыхнул пожар, а пожарная команда в это время спала бы?

Е. Даниловой. Ваша фамилия в указанную вами заметку попала по досадной случайности. Крокодил приносит свои извинения.

А. Дмитриеву. Ваша сказочка—пойдет. Присылайте еще в таком же духе.

Невидимке. При случае используем.

Животову. Оба стихотворения скучны: изюминки в них нет,—нет фактов. И не смешно.

С. Левит. Напишите на ту же тему фельетон в прозе, в стихах у вас не вышло. А может получиться весело.

Провинция.

Оренбург—Буденовицу. Присылайте еще материал. Кого нужно, «пырнем вилами в бок», как вы проείτε.

Луховицкое почт. отд., Рязанск. губ., Ламцову. Пока рисунки для «Крокодила» не годятся. Но рисовать не бросайте.

Котлас, С.-Двинской губ.—Голубеву. Стихи плохие, а тему используем. Оханск, Пермск. губ.—П. Тигунову. Присылайте еще.

Вологда—В. Быстрову. Тема очень старая и уже не раз использована и в «Крокодиле» и всюду.

Бузара—Горному Ветру. Спасибо за привет. Ждем материала, только, конечно, не ветреного.

Гомель—А. Мядзелиц. «Галифе»—сделаны не совсем удачно. Но писать вы можете. Может-быть, «Френч» или «Юбка-клевш»—выйдут у вас лучше. Ждем.

Екатеринослав—М. Пономареву. При случае используем. Пишите еще.

Брянский рудник—Я. Пекун. Материал используем. Присылайте еще.

Ярославль—Н. Григорьеву. Письмо так неразборчиво,—что даже «Крокодил» с его зорким взлядом ничего не понял.

Среди нескольких десятков тысяч рабочих знаменитой автомобильной фабрики Форда в Детройте находятся 9563 рабочих, которые в европейских фабриках сыли-бл выброшены на улицу, как неспособные к труду.

Друг несчастных.

Рис. Из. Малютина.

Заводчик Форд (инвалду :—Видите, мой дорогой! Очень хорошо, что у вас нет уки и ноги. Теперь устройте таг, чтобы у вас как сы не было головы—и кусок хлеба у меня на заводе вам обезпечен, пока... сможете ш величь (ставшимися кон чностям). Я вас таких ценк—вы сами понимаете, что гы не можете усрмить ни стачки, ни бунта.

КРОКОДИЛ

Охотников бояться—в село не ходить.

Самарская губерния переживает нашествие волков, которые бродят целыми стаями по деревням и дорогам губернии, а самарский союз охотников, получивший порох, пули и дробь, спит.

„Рабочая Газета“.

Рис. М. Черныш.

Волк: — И черт меня дернул съесть мужика—опять пьян вдребзги. Ему хорошо, а у меня опять завтра голова болеть будет с похмелья!